

86.3
А63
СА-399562

АНТОЛОГИЯ
МЫСЛИ

А. В. Амфитеатров

ДЬЯВОЛ

В БЫТЕ, ЛЕГЕНДЕ
И В ЛИТЕРАТУРЕ СРЕДНИХ ВЕКОВ

 ЮРАЙТ
издательство
biblio-online.ru

1862—1938

А. В. Амфитеатров

ДЬЯВОЛ В БЫТЕ, ЛЕГЕНДЕ И В ЛИТЕРАТУРЕ СРЕДНИХ ВЕКОВ

СА-399562

Книга доступна на образовательной платформе «Юрайт» urait.ru,
а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»

Государственное бюджетное
Москва • Юрайт • 2023
учреждение культуры

«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Оглавление

Глава первая. Родословие и эволюция сатаны.....	6
Глава вторая. Физиология дьявола	25
Глава третья. Государство, силы и средства дьявола	49
Глава четвертая. Дьявол-искуситель.....	63
Глава пятая. Козни дьявола	80
Глава шестая. Навождение дьявольское.....	99
Глава седьмая. Любовь и дети дьявола. Инкубы и суккубы	107
Глава восьмая. Ад.....	138
Глава девятая. Адские муки	148
Глава десятая. Магия	164
Глава одиннадцатая. Враги дьявола.....	185
Глава двенадцатая. Черт-весельчак	195
Глава тринадцатая. Смерть дьявола.....	214
Новые издания по дисциплине «История Средних веков» и смежным дисциплинам	222

Глава первая

РОДОСЛОВИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ САТАНЫ

Всем известен поэтический миф о возмущении и падении ангелов. Этот миф внушил Данте несколько стихов — из числа прекраснейших в «Аде», а Мильтону — незабвенный эпизод «Потерянного Рая». В христианстве миф этот разными отцами и учителями церкви по-разному излагался и окрашивался. Между тем под ним нет решительно никакого иного основания, кроме толкования одного стиха у Исаии и нескольких довольно темных мест в Новом Завете. В чем заключалась точная причина к бунту духов против своего Творца, легенды изъясняют схоже в общей психологии мифа и очень разное в подробной мотивировке. В одном из общеизвестных мест Корана говорится, что ангелам было поведено преклониться пред Адамом, наместником Аллаха на земле, но Эблис (дьявол), полный гордыни, отказался совершить это поклонение. Другой миф, совершенно иного характера, но не менее поэтический и усвоенный писателями, как еврейскими, так и христианскими, рассказывает об ангелах или сынах Божьих (*bené haélohim*), которые, увлекшись дочерьми человеческими (*benó háadám*), пали с ними и, в наказание за грех, были изгнаны из царства небесного и из ангелов обратились в демонов. Этот второй миф освящен, как излюбленная тема, стихами Мура и Байрона. Таким образом, оба мифа признают демонов падшими ангелами, а падение их связывают с грехом: в первом случае — с гордостью или завистью, и с преступную любовью — во втором.

Но это лишь легенда, а не история Сатаны и товарищей его. Происхождение Сатаны, рассматриваемого как мировое олицетворение злого начала, гораздо менее эпическое и вместе с тем более давнее, глубже уходит в века. Сатана старше годами всех могущих и страшных богов, память о которых осталась в истории человечества. Он не с неба низвергся, но взвился выспрь из бездн человеческого духа, в современности тем темным богам древнейших эпох, чьих имен не напоминает даже ни один камень: люди пережили их и забыли их. Современник их и часто смешиваемый с ними Сатана, как все живое, зачинается зародышем и лишь постепенно возрастает и развивается в личность. Закон эволюции, управляющий всеми бытиями, движет также и Сатаной.

Уже никто из мало-мальски образованных научно людей нашего века не думает, будто религии сравнительно грубого типа возникли из разложения и распада какой-либо религии более совершенной, напротив, всякий отлично знает обратное: что более совершенные религии развились из первобытно грубых, и, следовательно, в этих последних и надо искать происхождение того мрачного образа, который, под различными именами, представляет собой зло и становится его началом. Если период, известный в истории нашей планеты под именем третичного, уже застал на земле человека, то, возможно думать, застал еще настолько звероподобным, что напрасно было бы искать в нем религиозного чувства в точном смысле этого слова. Человек после третичного периода, даже в самой древней отдаленности, уже знаком с огнем и употребляет орудия из камня. Но он не погребает своих мертвецов, что служит верным показателем того, насколько его религиозные идеи, если только есть они у него, скудны и неповоротливы. Чтобы найти первые достоверные следы религиозности, надо подняться до периода, который геологи называют неолитическим (шлифованного камня). Мы не можем узнать непосредственным исследованием, какова была религия наших тогдашних предков, но мы в состоянии сделать о ней заключение, наблюдая религии множества диких народностей, которые еще живут на земле и точно воспроизводят быт человечества доисторического. Ведь, с более широкой точки зрения, характер и нравы человечества обнаруживают однообразие и постоянство явлений, заставившее итальянцев сказать: «Весь мир есть страна» (*tutto il mondo e paese*)...» «При сравнениях рас, стоящих приблизительно на одной степени цивилизации, не следует, — говорит Тейлор, — придавать большого значения исторической эпохе или географическому положению, обитатели озерных жилищ древней Швейцарии могут быть поставлены рядом со средневековыми ацтеками и североамериканские оджибвеи рядом с южноафриканскими зулусами. Доктор Джонсон, прочитав в путешествиях Гауксворта описание патагонцев и островитян Тихого океана, презрительно выразился, что все дикие племена похожи друг на друга... Если мы будем избирать для сравнения предметы, мало изменившиеся в течение столетий, мы получим картину, в которой английский землевладелец будет стоять рядом со среднеафриканским негром». Предшествовал ли в исторической эволюции фетишизм анимизму или наоборот, но верования наших праотцов должны были быть совершенно в том же роде, как теперь у негров африканских или у американских краснокожих. Об этом нам свидетельствуют недра земли, сохранившиеся, вместе со следами их жилищ, их оружием и инструментами, также и их амулеты. В их воображении мир был полон духами вещей и душами умерших, и на счет духов относилось все, дурное и хорошее, что случилось в жизни. Мысль, что одни из этих духов благодетельны, а другие зловредны, одни друзья, а другие враги, подсказывал уже самый опыт житейский, в котором постоянно чередуются удачи и потери, и при том чередуются так выразительно, что, если не всегда, то довольно часто

Глава вторая

ФИЗИОЛОГИЯ ДЬЯВОЛА

Только с величайшим трудом удастся человеку, если вообще удастся, составить себе понятие о какой-либо бесплотной субстанции, существенно противоположной тем, которые доступны нашему чувственному восприятию. Обыкновенно, бесплотность понимается как наименьшая плотность: такое разрежение вещества, что последнее становится подобным воздуху или огню, либо даже и их тоньше. В первом представлении, разделяемом едва ли не всеми народами земли, душа есть дыхание или легкий пар, который может быть видим под внешнею *тени*. Боги всех мифологий — более или менее, но всегда — телесны. Греческие боги питаются амброзией и нектаром и имеют тело, физиологически чувствительное как к удовольствию, так и к страданию. Когда они вмешиваются в битвы смертных, то не только сами наносят, но также и получают болезненные, заставляющие их плакать и выть, ушибы и раны. Общеизвестны эпизоды «Илиады», как Диомед, сын Тидея, ранил в битве сперва Афродиту, спасавшую своего сына Энея, а потом самого Ареса, бога войны:

Тот же Киприду преследовал медью жестокой,
Знав, что она не от мощных богинь, не от оных
бессмертных,

Кои присутствуют в бранях и битвы мужей устроят,
Так как Афина, или как громящая грады Энио,
И едва лишь догнал, сквозь густые толпы пролетая,
Прямо оставив копье, Диомед, воеватель бесстрашный,
Острую медь устремил и у кисти ранил ей руку
Нежную быстро копье сквозь покров благовонный, богине
Тканый самими Харитами, кожу пронзило на длани
Возле перстов, заструилась бессмертная кровь Афродиты,
Влага, как струится у жителей неба счастливых,
Ибо ни брашн не едят, ни от гроздий вина не вкушают;
Тем и бескровны они, и бессмертными их нарицают.

И тогда на Арея напал Диомед нестрашимый
С медным копьем, и, усилив его, устремила Паллада
В нижнее чрево, где бог опоясывал медную повязь,

Там Диомед поразил и, бессмертную плоть растерзавши,
Вырвал обратно копье и взревел Арей меднобронный
Страшно, как будто бы девять, иль десять воскликнули
тысяч

Сильных мужей на войне, начинающих ярую битву
Дрогнули все, и дружины Троян и дружины Ахеян
С ужаса, так заревел Арей, ненасытный войною
Сколько черна и угрюма от облаков кажется
мрачность

Если неистово дышущий, знойный воздвигается ветер,
Взору Тидита таков показался, кровью покрытый,
Медный Арей, с облаками идущий к пространному небу
Быстро бессмертный вознесся к жилищу бессмертных,
Олимпу

Там близ Кронида владыки воссел он, печальный
и мрачный,
И, бессмертную кровь показуя, струимую раной,
Тяжко стонавший, к Зевсу вещал он крылатые речи.

Естественным результатом этих взглядов явилась пневматическая доктрина, приписывающая обладание некоторым телом как ангелам, так и демонам. При этом некоторые добавляют, что тело демонов плотнее и тяжелее ангельского, став таким после падения с небес, в силу приспособления к земной атмосфере. Зато, сравнительно с телом человеческого, тело демона едва плотно. Однако, демон достаточно материален, чтобы иметь вес и тяжестью своей выдавливать следы на сыпучих веществах? Довольно распространен обычай сыпать золу на пол, чтобы видеть следы демонов (Тейдор). Способ древний — известный еще из легенды и Бэла и Драконе, где следы ног на золе, которою был посыпан пол, выдают плута-жреца, приходившего через потаенную дверь поедать яства, которые ставили перед изображением Бэла. В половине XIX века в одном из английских городов распространился рассказ о бесе, прогуливавшемся по стенам домов и потолкам и оставляющем на снегу отпечатки своих дьявольских, вывернутых назад ног (Тейлор).

Никто не зрел, как с нею мчался он (Сатана),
Лишь страшный след нашли на прахе.

(Соути-Жуковский)

Во втором веке Татиан считает плотность демонов равною воздуху (также Исидор Севильский в VII веке) или огню, а св. Василий Великий считает их еще тоньше и легче. Наоборот, Данте наградил Люцифера, мерзнувшего во льдах Коцита, телом настолько крепким и грубым, что поэт и вожатый его Вергилий взбираются по нему, как по скале.

Глава третья

ГОСУДАРСТВО, СИЛЫ И СРЕДСТВА ДЬЯВОЛА

Когда слово дьявол употребляется в единственном числе, оно обозначает или, 1) как имя нарицательное, одного из дьяволов, либо сравнение с дьяволом, или, 2) как имя собирательное, всю дьявольскую расу, весь дьявольский народ (как «турка» вместо «турки», «немец» вместо «немцы» и т. п.), или, наконец, 3) как имя собственное, повелителя дьяволов, князя тьмы.

Дьяволов было не только много, им числа не было. По общему мнению богословов, в возмущении против Бога приняла участие десятая доля ангелов. Но были добросовестные теологи, которые, не удовольствовавшись такой неопределенной статистикой, вычислили точное число злых духов. По одному такому вычислению, их не менее 10 000 миллиардов.

Для такого огромного народа нужно было немало места, а потому дьяволы распределились на жительство по двум областям: в аду и в воздушных сферах. Витая в последних, они получали возможность искушать и мучить живых людей, а первый был устроен для их собственного наказания, одновременно с которым они приводили в исполнение кары, предназначенные умершим. Воздушные квартиры отведены им только до Страшного Суда. Его приговор всех их забьет в ад, и не один из них оттуда уже не выйдет.

Не все дьяволы были равны качествами, положением, способностями. Бесконечна их классификация по месту жительства (водяные — «нептун»ы, лесовики — «дузии» и т. д.) или по роду деятельности (инкубы, суккубы, и пр.). Так как одному дьяволу лучше удалось одно, другое другому, то отсюда выработалось известное разделение труда, повлекшее за собой нечто вроде социального строя. Казалось бы, дьявол, олицетворение именно беспорядка и смуты, должен быть завзятым анархистом, отрицанием каких бы то ни было государственных и сословных форм. Однако, напротив, св. Фома и многие другие теологи из самых уважаемых нашли в дьявольском народе такую же иерархию, как в сонмах ангелов, и даже более точную, так как у дьяволов есть их собственный, специально ихний глава, тогда как ангелы не имеют иного начальника, кроме Бога, который есть владыка всей вселенной, а не только их одних.

В евангелиях от Матвея и Луки и в писаниях большинства богословов князь и владыка демонов носит имя Вельзевул. Но так же часто зовут его Сатаной и Люцифером. Данте соединил все эти три имени вместе, как определяющие одного и того же великого Дьявола. Но, обыкновенно, это — три разных беса и не одинаковой власти.

О дьявольских чинах упоминают уже в первом христианском веке апокрифическая книга Еноха и Новый Завет. Св. Фома, упомянув о дьяволах высших и низших и, вообще, об иерархическом их устройстве, не входит в дальнейшие подробности. Но подобная сдержанность не могла удовлетворить демонографов, теоретиков магии и, в особенности, ее практиков. Для них важно знать дья — вольскую иерархию точно, а также и способности и компетенцию каждого в ней чина, и, по возможности, и каждого отдельного беса. Систему чинов строили двояко: одни демонологи — в зависимости от классификации грехов, вверенных дьяволам, другие — по степени общего могущества и влияния, предполагаемых за известными имьярек дьяволами.

Данте называет Люцифера императором царства скорби. Для него мир симметрически делится на три великие монархии: высшую небесную — Божескую, среднюю, земную — человеческую, нижнюю, адскую — дьяволу. Но идея ада, как царства, не принадлежит Данте, ни даже средним векам, хотя в средние века она достигает наивысшего развития. Старая на земле, как само государство, она свойственна всем историческим религиям, и христианство приняло ее из эллино-римского мира уже в весьма тщательно выработанном виде. Понятие об адском *царстве* находится уже в Евангелиях и уже отцы церкви снабжали Люцифера атрибутами верховной власти: скипетром, венцом и мечом. Во многих аскетических легендах Сатана изображается сидящим на высоком троне, окруженным царской пышностью, возвышаясь над огромной толпой служителей и свиты. Таким путем народная фантазия выработала мало-помалу целый сатанинский двор, во всем подобный дворам великих государей земли. В волшебной истории Иоганна Фауста, послужившей основой знаменитой трагедии Гете, мы находим такое расписание чинов: король ада — Люцифер, вице-король — Велиал, губернаторы — Сатана, Вельзевул, Астарот и Плутон. Мефистофель и еще шесть других — в титуле князей. При дворе Люцифера имеется пять министров, один статс-секретарь и двенадцать служебных демонов, в роде флигель адъютантов (*spiriti familiares*). В других же магических и демонологических книгах упоминается о дьяволах-герцогах, маркизах, графах, с точным исчислением, сколько легионов дьяволов каждый имеет под своей командой.

В русской старинной литературе подробную картину ада как царства и царского двора Сатаны дает знаменитая «Повесть о Савве Грудцыне» — роман XVII века, повествующий якобы событие эпохи первого самозванца («бысть убы в лето 7144»). Купеческий сын Савва Грудцын, живучи в городе Орле. Усольском, влюбился в жену здешнего купца Вожена Второго и, за обладание ею, продал душу свою бесу, представ-

Глава четвертая

ДЬЯВОЛ-ИСКУСИТЕЛЬ

Не надеясь более завоевать утраченное положение на небе, Сатана заботится об одном: остаться владыкой человечества и истребить из него следы искупления, обратив землю во второй ад, а ее историю в летопись скорби, греха и преступления. Лишенный общей, «оптовой» власти над человечеством, он обратился в мародера. Будучи не в силах опрокинуть церковь, он ее расшатывает, выдергивая камни из ее стен и иногда весьма фундаментальные. Пусть бодрствует Добрый Пастырь и не спят псы его, Сатана, ходя вокруг стада голодным волком или рыкающим львом, как сравнил его апостол, таскает овец с такой ловкостью, что из десяти едва уцелеет одна.

Сатана не может захватить душу, если раньше не испачкает ее и не развратит грехом, — но человеческая природа, хотя и искупленная, склонна и стремится к греху. Сатана не властен насилловать свободную волю, но в состоянии расставить ей сети к неременному падению. Он великий, неутомимый искушитель. Начав с Евы, он не остановился даже перед Христом. И массы, и отдельные люди становятся жертвой этого главнейшего искусства, и, чем лучше и святее человек, тем лютей и хитрее нападает на него дьявол-искушитель. «Не открывайте путей дьяволу, — увещает ап. Павел. — Сопровитвляйтесь дьяволу, и он убежит от вас!» Но, прежде чем обратить дьявола в бегство, каких же мук и испытаний успевал натерпеться от него победитель! Нечего и говорить уже о людях, живших в миру: свет, светские люди, светские интересы, светскость — природное царство Сатаны, и кто в нем живет, в Сатане живет, и не войти с ним в соприкосновение для того столько же трудно, как окунуться в море и не намочнуть. Но и уходя из мира, бежа из городов в пустыни и дебри, либо отделяясь от мира монастырскими стенами, благочестивые спасатели душ встречали Сатану и там, да еще и более лукавым и жестоким. В свете он одолевал искушением по мелочам — вкрадчивым, постоянным, ежеминутно житейским. В пустыне искушение наплывает бурным натиском, подобно горячечному пароксизму. В свете оно было более внешним, в пустыне или затворе оно делало своим орудием самого человека — живую энергию организма, требующего нормального отправления физиологических потребностей и, при отказе, тоскующего, томящегося, тянущего на грех.

Глава пятая

КОЗНИ ДЬЯВОЛА

Неутомимый устроитель всех бед и несчастий человечества: войн, болезней, голодовок, катастроф всякого рода, — смутитель и отравитель частной жизни, профессиональный мучитель людей, Сатана есть величайший лжец и обманщик во вселенной и — *qualis rex; talis grex* — таковы же его подручники и подданные. Обманы дьявола бывали ужасны. Один средневековый летописец повествует, как однажды дьявол явился в еврейской колонии о. Крита, под видом Моисея, и убедил уверовавших в него плыть с ним вместе в Обетованную Землю. Но, едва корабли, переполненные евреями, вышли в открытое море, как дьявол всех их утопил, вместе с народом, на них бывшим. Обещания и предсказания свои дьявол, — преемник древних оракулов, в которых, впрочем, по мнению церкви, он же пророчествовал под разными псевдонимами, — дает столь хитро и двусмысленно, что часто они обозначают совершенно иное и даже противоположное тому, чего ждет получивший обещание.

Иногда его обманы просто наглы и грубы; он щедро раздает своим поклонникам деньги, драгоценные камни, убирает стол их дорогими яствами, но, в действительности, это — сухие листья, уголь, помет или что-нибудь еще хуже. Когда морока спадает, одаренные дьяволом всегда видят себя одураченными и попадают в скверные истории. На эту тему сложилось множество легенд и сказок, как народных, так и вдохновленных или искусственных, до Гоголева «Проклятого места» включительно.

«Ну, хлопцы, будет вам теперь на бублики! Будете, собачьи дети, ходить в золотых жупанах! Посмотрите-ка, посмотрите сюда, что я вам принес! — сказал дед и открыл котел.

Что ж бы, вы думали, такое там было? Ну, по малой мере, подумавши хорошенько: а? золото? Вот то-то, что не золото: сор, дрязг... стыдно сказать, что такое. Плюнул дед, кинул котел и руки после того вымыл.

И с той поры заклил дед и нас верить когда-либо черту. «И не думайте! — говорил он часто нам: — все, что не скажет враг Господа Христа, все солжет, собачий сын. У него правды и на копейку нет!»»

Когда человек вступал в договор с чертом, ему приходилось смотреть в оба, чтобы каждый пункт условия был яснее дня, ибо рогатый

юрист мастерски привязывался к каждой недомолвке и двусмысленности и обращал ее в свою пользу. Знаменитый польский волшебник, пан Твардовский, воспетый Мицкевичем в юмористической балладе «Пани Твардовская», чуть было не пропал из-за такого промаха. По контракту своему с дьяволом, он должен был отдать свою душу аду в Риме. Понятно, что, заключив контракт, «польский Фауст» поклялся, что никогда нога его не ступит за римскую черту. Но он позабыл написать: в городе Риме. И вот, однажды, когда Твардовский пировал в какой-то корчме, из кубка выскочил черт:

Здорово, Твардовский! Сердечно

Я рад повидаться здесь с другом:

Хоть я Мефистофель, но вечно

Готов к твоим панским услугам.

А помнишь ли, пан, как условие

На Лысой горе мы с тобою

Писали на шкуре воловьей,

И бесы клялися толпою,

Что я свой контракт не нарушу;

И ты поклялся перед ними,

Что должен нам панскую душу

Отдать через два года в Риме?

Вот семь лет уже миновало,

А ты только пекло морочишь

Да чарой мутишь, и нимало

Собираться в дорогу не хочешь.

С ленивым таким пилигримом

Сыграли мы шутку другую! —

Корчма называется Римом:

Я милость твою арестую.

Твардовский успел выкрутиться из скверного положения, но многие другие контрагенты дьявола погибали в подобной ловушке. Между ними — папа Сильвестер II (Герберт): по тем же причинам, как Твардовский от Рима, он отлынивал от Иерусалима, но однажды, отслужив мессу, он увидел перед собой дьявола, который заявил ему, что придел, в котором он служил, носит название Иерусалима, а потому не угодно ли его святейшеству расплатиться по контракту? И уволок бедного папу в ад...

Tu non pensavi che io loico fossi.

Впрочем, и помимо договоров с дьяволом, подобные предсказания о месте смерти, разрешавшиеся трагическим каламбуром, сыграли печальную роль в жизни многих исторических людей:

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49**